

Анатолий
АНТОНОВ

ПОЛКОВНИК по сходной цене

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Анатолий Антонов

Полковник по сходной цене

«Научная книга»

2001

Антонов А. С.

Полковник по сходной цене / А. С. Антонов — «Научная книга»,
2001

«Убитых нет!» – сказал со значением милицейский чин, приехавший на место разборки. А их и действительно не было: уже увезли и закопали. Недаром кликуха у владельца кафе Серго была – Могильщик. Как говорится, без пыли и шума. Шум сейчас был бы особенно нежелателен: Серго в своем горном гнезде готовит печатание стодолларовых купюр. Кое-что перепадет и милицейской верхушке. И лишь красотка-повариха из разгомленного кафе знает: убитые были. И вообще, она все видит, все знает. Для того и внедрена в бандитскую среду...

© Антонов А. С., 2001

© Научная книга, 2001

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анатолий Антонов

Полковник по сходной цене

© ЗАО «Издательство “ЭКСМО-Пресс”», 2001

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Тарас очнулся от полуденного липкого сна и, глотнув с отвращением раскаленного воздуха, повернулся к окну, за которым, покачиваясь, проплывали чахлые деревца, пригнутые низко к земле невероятно жарким солнцем.

Стук колес поезда напоминал монотонный шум дождя, который идет уже несколько дней. Тарас почувствовал, что снова начинает оплывать потом. Он перевернулся на спину и, приподняв руку, дотронулся до слипшихся на лбу волос. Душный и насыщенный влагой воздух в купе сгустился до такой степени, что, казалось, можно было его сгребать в горсть, как подтаявший снег.

В приоткрытое окно толчками вкатывался обжигающий ветер. Тарас снова повернулся к окну и сплюнул заполнившую рот кислую слюну.

«Гадость какая, – вяло захлюпало у него в голове. – Мало того, что жарко здесь, как... Так еще и пили вчера весь день. Еще сколько трястись в этом блядском поезде. Умереть можно...»

Откуда-то снизу раздалось прерывистое хрипение.

«Шланг прохудился какой-то, что ли?» – без удивления подумал Тарас.

Булькающее хрипение раздалось снова.

Внизу что-то грохнуло, и на уровне Тарасовых глаз появилась мычащая голова, очень похожая на неумело слеplенный ком сырого теста.

– Алкаш проснулся, – отреагировал Тарас. – Здорово, Колобок.

– Дай... минералки, – прохрипел тот и звонко шлепнул ладонью по своей совершенно лишенной всякой растительности макушке. – Голова гудит... – добавил он, – и с голосом что-то... Голос свой не узнаю. Простыл я, наверное...

– Как шланг прохудившийся, сипишь, – согласился Тарас. – А минералки у нас нет. Ты ею вчера умывался. Тебе, видите ли, в туалет в лом было идти...

Колобок покрутил своей несуразной головой и тяжело опустился на нижнюю полку.

– Плохо мне, Тарас, – доверительно высказался он. – Сил нет никаких, как плохо... Да еще жара эта чертова. Чтоб я еще раз в поезде выпил хоть грамм.

Тарас хмыкнул и провел ладонью по подбородку.

– Сегодня к вечеру будем уже в Сочи, – сказал он. – Надо бы к этому времени привести себя в порядок. Побриться, похмелиться, то-се...

– Сочи... Сейчас бы в море окунуться. И чтобы холодное, это самое... – размечтался Колобок.

– Море-то холодное?

– Пиво чтоб холодное!

Тарас хрипло засмеялся. Он неловко повернулся на своей верхней полке и сунул руку в карман. Пошарил, нахмурился и, перевернувшись на другой бок, сунул руку в другой карман.

– Странно, – проговорил он наконец. – Какие-то бабки у меня еще оставались, это точно. Я всегда на похмелку оставляю...

Ужас отразился в глазах Колобка.

– Т-ты что? – с трудом выговорил он. – У т-тебя... то есть похмеляться мы не будем?

Тарас подумал немного.

– Черт возьми, – оскалившись, произнес он. – Вспомнил. Мы вчера еще третьего затащили. В том же вагоне-ресторане познакомились. Ну да – ты уже вырубился, а мы с ним еще одну бутылку и уговорили. Вот блин, а теперь... Нечем нам, друг-Колобок, похмелиться...

– А если того фраера разыскать? – предложил Колобок. – Пускай нас похмеляет... А если откажется, падла, я тогда ему...

Колобок тяжело пристукнул пухлым кулаком по купейному столику.

– Н-не стоит, – задумчиво проговорил Тарас. – Забыл, по какому делу мы едем?

– Что нам – до Сочи терпеть?! – с тоской воскликнул Колобок.

– Судя по всему, придется, – проговорил Тарас. – Ты хоть помнишь, как тот фраер выглядел? Вот именно. И я – приблизительно. Где его сейчас искать – по всему поезду шарить? Да и ты сейчас скандал затеешь, если он артачится станет...

– Да я!..

– А то я тебя не знаю, – проворчал Тарас, – и так вчера орал в вагоне-ресторане. Проводница ментов позвать хотела. То есть эта – официантка... Нам что было сказано – без происшествий довести товар до Сочи, там нас встретят, отдадим товар, получим бабки и – привет. После этого оторвемся на полную катушку. А в поезде сказано было – воздерживаться.

– Видел я, как ты вчера воздерживался, – мрачно усмехнулся Колобок. – Аж бабок на утро не осталось.

– Ты подначил, – возразил Тарас, – алкаш. Я сначала возражал...

– В течение трех секунд, – добавил Колобок. – А потом больше всех выступал, чтобы второй пузырь взять. И того фраера затащил с нами бухать. Вот это уж совсем лишнее было. Как, кстати, его звали...

– Га... это, как его... Га... – напрягся Тарас, – кажись, Гаврик.

– Да ты что? – усмехнулся Колобок. – Таких и имен-то не бывает. Опять что-то по пьянке перепутал.

Тарас отмахнулся от своего собеседника и повернулся лицом к стенке. Солнце поднялось выше и в полную силу жарило крышу поезда, и теперь духота в купе стала совсем невыносимой.

Колобок проворчал что-то неразборчивое, махнул ладонью у своего рта, как будто измятые его слова застряли в раскаленном и густом воздухе и он отгонял их.

– Ладно, – громко сказал он. – Тарас! Эй, слышишь меня?

– Чего? – глухо отозвался Тарас.

– Я кое-что придумал. А то мы подохнем, пока до Сочи доедем. Какая ближайшая остановка?

– Краснодар – следующая остановка, – ответил Тарас и повернулся к Колобку.

– Сколько мы там стоим?

– Сорок минут, – сказал Тарас, – если не больше. А в чем дело?

– Узнаешь, – осклабился Колобок, – покажу я тебе, как в нашем районе мужики деньгу зашибают, если очень надо... В минуты тяжкого похмелья. Веришь – за десять минут можно на пузырек набрать...

* * *

«Вот и все, – подумал он, дотронувшись до своей коротко стриженной головы, формой до странности напоминающей старинный рыцарский шлем. – Вот и все. Как, однако, странно принимать смерть на третьем десятке. Сколько еще можно было сделать и... Например, похмелиться. А то так и правда можно окочуриться. В каком это, интересно, я ящике лежу?..»

– Гроб! – ударила страшная мысль и исчезла, как только он открыл глаза.

«А-а, это я на верхней полке... в купе поезда. Ф-фу, как же жарко здесь и как отвратительно пахнет... Перегаром... Господи, как же мне плохо».

Он снова закрыл глаза и какое-то время еще лежал неподвижно, ничего не видя, кроме радужных масляных пятен, лениво колыхавшихся между зрачками и внутренними сторонами век его глаз.

А потом его мысли приняли несколько странное направление.

«Вот почему так, господи, – думал он, – сначала хорошо-хорошо, а потом плохо-плохо? Да и хорошо мне не было. То есть было, наверное, только я совсем не помню... как было

хорошо. Мамочки, как голова гудит... Хотелось бы знать, господи, ты когда-нибудь испытывал такую муку? Знаешь, одно дело – принимать муку, когда на тебя столько человек смотрят, и совсем другое, когда лежишь вот так, не можешь даже рукой пошевелить и прекрасно понимаешь, что сейчас вот... отдашь душу... и никто никогда об адских твоих мучениях не узнает...»

– Тебе, Игорь Анатольевич, уже, по-моему, лечиться надо, – прогремел в его голове суровый голос.

Он приподнял голову, в ужасе озираясь.

– Проснулся? – осведомилась Тамара. – Я говорю – тебе уже давно лечиться пора, Игорь Анатольевич. От алкоголизма.

– Ай... Ай-ай... а, это ты... – хрипло выговорил Гарик. – Д-доброе утро, Тамара Михайловна.

– Конечно, я, – подтвердила Тамара. – А ты думал, кто?

– Да так... Все-таки хорошо, что это ты. А то мне показалось, что я с ума схожу.

– Это я скоро с ума сойду с тобой, – вздохнула Тамара. – Ты хоть помнишь, кто мы с тобой такие и зачем мы в Сочи едем?

– Отдыхать, – опять закрывая глаза, проговорил Гарик. – Как супруги: я – муж, а ты – моя жена...

– Что?! – вскричала Тамара, но потом что-то вспомнила и улыбнулась. – А, это ты по легенде... А я уж подумала... Нет, с тобой точно с ума можно сойти. Боже мой, что ты вчера такое вытворял!

– А что я такого вытворял? – лениво поинтересовался Гарик.

– Ты пошел в вагон-ресторан принести нам ужин и пропал, – начала рассказывать Тамара, – я забеспокоилась, конечно. Направилась туда же – в ресторан – мало ли, может быть, с тобой что-то случилось – и обнаружила тебя в компании с двумя какими-то типами совершенно уголовного вида.

– Ага, – тяжело качнул Гарик головой. – Это я помню. Один такой... невысокий крепыш. Лицо у него... мясистое, и голова абсолютно без волос. Его товарищ еще называл так странно. Бобик... Шарик... А – Колобок!

– Колобок, – проворчала Тамара, – ну и рожа у него была... Да и второй тоже – который повыше ростом – верзила накачанный – такой чернявый, со шрамом на переносице. Короче говоря, приятного впечатления они не производили. Особенно тот – со шрамом. Совершенно бандитская морда.

– Этого тоже помню, – задумчиво проговорил Гарик, – но хуже. Как же его звали?..

– Ну вот еще, – усмехнулась Тамара, – буду я каждого твоего собутыльника запоминать. И имя в книжечку записывать. У меня тогда такая книжечка получится – размером с телефонную...

Гарик вдруг рассмеялся.

– Чего ты? – спросила Тамара.

– Вспомнил, как его звали, – пояснил Гарик причину своего веселья. – Тарас.

– И чего смешного? – удивилась Тамара, – нормальное имя. Немного, правда, архаичное...

– Да нет, не имя смешное. – Гарик снова хохотнул, – просто... частушка есть очень смешная про Тараса.

– Какая?

– Не скажу, – с сожалением проговорил Гарик, – очень уж она неприличная. Но какая смешная...

Тамара усмехнулась, поднялась и, поправив халатик, подошла к зеркалу, вделанному в поверхность купейной двери. Стянув с головы повязку, она рассыпала по плечам огненно-рыжие волосы и принялась обеими руками укладывать их в прическу.

Гарик наблюдал за ней. Когда он в очередной раз тяжело вздохнул, Тамара проговорила, не поворачиваясь:

– Деньги все вчера пропил?

Гарик похлопал себя по карманам.

– Все, – ответил он. – Слушай, дай немного займа... До первой полочки.

– Да, – сказала Тамара. – А то ты убьешь меня своими вздохами. Кстати, открой окно...

– А я, между прочим, не поэтому вздыхаю, – проговорил вдруг Гарик, исполнив ее просьбу, – не потому что с похмелья болею... То есть и поэтому тоже, но... Еще и по другому поводу.

– Это по какому же?

– Ну как... – замялся Гарик. – Вот мы с тобой взрослые люди. Ты красивая женщина, я... тоже ничего. Едем с тобой вдвоем в одном купе черт знает сколько времени и... – Гарик развел руками.

– Понятно, – сказала Тамара, наблюдавшая за Гариком в зеркало. – Я тебе, Игорь Анатольевич, сколько раз уже объясняла – мы с тобой просто напарники. То есть люди, которые работают вместе. Работают, понятно? И не больше.

– А... – явно намеревающийся привести какой-то довод Гарик открыл рот.

– Понятно, – повторила Тамара. – Можешь не продолжать. Если в начале нашей совместной работы – несколько лет назад – у нас с тобой что-то и было, то теперь вот... Извини...

– Ничего себе – «что-то было», – помолчав немного, фыркнул Гарик. – Я, между прочим, жениться на тебе хотел. Да что я тебе говорю, ты же знаешь все прекрасно.

Гарик с трудом приподнялся на своей полке и достал откуда-то из-под матраса белую рубашку, больше сейчас напоминающую огромную жевательную резинку, которую выплюнул изо рта какой-нибудь великан.

Оглядев со всех сторон рубашку, Гарик принялся сосредоточенно надевать ее, охая и стоня, как будто натягивал ее на голую душу.

– Знаешь ты все... – снова проговорил Гарик, – прекрасно.

Тамара и в этот раз ничего Гарику не ответила. Она молчала еще несколько минут, потом отошла от зеркала и достала из сумочки купюру.

– На вот... Несчастный ты мой.

– Не надо мне, – обиженно протянул Гарик, купюру тем не менее взяв.

Тамара посмотрела на него, и взгляд ее вдруг потеплел.

– Столько лет прошло, – сказала она, – четыре года. А ты все еще... – она хотела договорить «любишь меня», но почему-то этого делать не стала.

– Ну да, – прокряхтел Гарик, сползая со своей койки, – столько уже в одном купе ехать и не это самое... А что я могу поделаться, если у меня не кровь, а жидкое электричество?..

– Дурак, – сказала Тамара и еще добавила: – Пошел вон.

* * *

«Зря я так с Тамарой, – подумал Гарик, получая от официантки в вагоне-ресторане запоздевшую бутылку с холодным пивом. Она обиделась, дураком меня назвала... Дурак и есть – ерунду такую говорить».

Гарик отхлебнул из бутылки и вдруг заметил, что официантка, та, что принесла ему пиво, не отходит от его столика, стоит рядом.

– А где же друзья твои вчерашние? – спросила официантка, когда Гарик поднял на нее глаза.

– Какие?.. А те, что ли... Да черт их знает, – признался Гарик. – Я уж и не помню, из какого они вагона. Мы ведь прямо здесь познакомились. Сейчас, наверное, тоже сюда прибегут.

– Может, прибегут, – сказала официантка, – а может, и нет. Тут их какие-то товарищи спрашивали.

– Какие? – заинтересовался Гарик. – Менты, что ли?

– Вроде нет...

– А... – Гарик снова отхлебнул. – А то я уж думал, что мы... Что они вчера набедокурили чего.

– Не менты, – продолжала официантка, – парни какие-то. Сегодня с утра спрашивали. Вроде бы даже ходили по вагонам их искать. Да разве найдешь с утра кого – все купе закрыты, люди спят еще.

– Это точно, – сказал Гарик и в два длинных глотка прикончил бутылку.

– Еще? – осведомилась официантка. – А то холодное пиво скоро кончится. Это сейчас еще рано, а через часок набегут за холоденьким со всех вагонов – жара-то какая стоит.

– Еще одну, – попросил Гарик, – нет, лучше две. Три... Сначала две, а потом еще одну, чтоб не грелось.

* * *

«Девять лет назад, – вспоминал Гарик, допивая третью бутылку пива, – ко-гда я двадцатилетним пацаном прогуливался в парке с какой-то девушкой... Странно, сейчас я имени даже ее не помню...

А тогда в парке Победы, неперестроенном еще парке Победы, трое юных амбалов, распираемые сокрушительным юношеским либидо, изъявили желание с моей девушкой пообщаться, опрометчиво не поинтересовавшись, между прочим, как я сам к этому их желанию отнесусь.

А я к этому их желанию относился крайне отрицательно, о чем открыто заявил.

– Ну, ничего, – вслух рассудили ребята. – Это, дескать, твое сугубо личное мнение.

– Как это? – удивился тогда я, еще не вполне понимая, что сейчас произойдет.

– А вот так! – пояснили они мне и крепко приложили металлической цепью от собачьего поводка по голове.

На несколько секунд я полностью отрубился, а когда с трудом вскарабкался на корточки, сфокусировав взгляд на непроницаемых лицах амбалов – как закрытые калитки – и на окружающей плывущей действительности, понял, что гордое звание кандидата в мастера спорта по боксу придется оправдывать не только в институтском спортзале на ринге с дешевым брезентовым покрытием.

И подоспевшие через пятнадцать минут дружинники поднимали с асфальтовой дорожки две жертвы юношеского сексуального томления – один убежал.

И девушка, кстати, тоже убежала.

Один из дружинников вдруг, подпрыгивая, пошел по аллейке прочь, странно оглядываясь на меня, прислонившегося к дереву неподалеку – я унимал кровь из сильно рассеченного цепью лба.

Остальные дружинники негромко переговаривались между собой, поглядывая на меня, вероятно, как я тогда подумал, потрясенные моей боксерской подготовкой. Я их тогда – дурак – скромно не замечал.

Через пару минут подошли уже настоящие милиционеры. Я, наивно полагая услышать слова восхищения моим спортивным мастерством, застенчиво улыбаясь, оторвался от дерева и шагнул им навстречу.

Но, вместо того чтобы произнести слова благодарности и пообещать золотые часы за доблесть, милиционеры повели себя странно – один из них зашел мне за спину, как бы страхуя своего сослуживца, который ловко надел на меня наручники и подмигнул зачем-то еще дружинникам».

Гарик вздохнул и с трудом подавил начавшуюся вдруг дрожь. Он поставил на угол стола пустую бутылку, открыл очередную и закурил.

«А потом началось совсем что-то нелепое, несуразное и страшное. Меня привели в опорный пункт милиции, находящийся в том же парке, позади пивного ларька, посадили в узкую камеру с одной стеной из сплошной решетки, где я просидел два часа в полном недоумении.

И только через два часа немолодая и дебеливатая тетенька, наложившая повязку на мою разбитую голову, объявила, что, в общем... ну, короче говоря, ты, парень, человека убил.

Я не знал тогда, что и думать, даже не понимал поначалу, что, собственно, происходит...

Это заявление в полной мере я осознал только спустя четыре месяца, проведенные мною в следственном изоляторе, на заседании суда, который в один день вынес приговор мне, Игорю Анатольевичу Парамонову, такого-то года рождения, ранее не судимому, – три года лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии общего режима...»

– Впрочем, как знать, – пробормотал Гарик, потушив докуренную сигарету в пепельнице. – Если бы не этот убитый, если бы не зона, то разве я стал бы тем, кем стал теперь? Вряд ли...

«Два с половиной года заключения прошли на удивление быстро. И ранней сырой весной, вечером, условно-досрочно освободившийся Игорь Анатольевич Парамонов, то бишь я, ехал в троллейбусе с майором МВД Герасименко. Нам было в одну сторону ехать домой.

– Ну и чем заняться думаешь? – вдруг спросил молчавший с самой остановки майор.

– Пойду в милицию работать, – неожиданно для себя объявил я и только потом понял, что это решение сложилось у меня уже давно. Еще во время отсидки, в камере, рассчитанной на пять человек, забитой пятнадцатью гнусными харями. Нет, наверное, это не было естественным моим желанием оказаться по ту сторону моего тогдашнего мира – проще было бы стать «смотрящим» – стукачом в камере. Но тем не менее...

Герасименко тогда до странности заинтересованно посмотрел на меня, отвернулся к окну и до конца поездки никаких разговоров больше не заводил.

Я еще подумал, что мент счел мое заявление издевательством, но уже через два дня к моей сестре, к которой я пришел пожить – мать умерла на второй год моей отсидки, и квартиру продали, – позвонили из городского отделения Министерства внутренних дел и назначили мне день и час аудиенции...»

Гарик усмехнулся. Отхлебнул еще из бутылки и снова закурил.

«Больше удивленный, чем обрадованный, я пришел в отделение. Вот там-то мне и объяснили суть моей будущей работы и дали два дня на раздумье.

На следующий день я заявился в кабинет начальника рано утром, в самом-самом начале рабочего дня, и объявил свое согласие.

Так я стал работать под прикрытием...»

Гарик допил пиво.

– Еще? – спросила из-за прилавка официантка.

– Хватит, – отказался Гарик, но из-за стола не поднялся, задумчиво смолил свою сигаретку.

«Работающими под прикрытием на милицейском жаргоне назывались люди, внедряемые в различные преступные группировки под видом собственно преступников.

Дело это было, естественно, крайне сложное и опасное, поэтому те, кто занимался им, работали сдельно. Никакими зарплатами и штатными местами они себя не связывали. Суммы на их гонорары выделялись немаленькие, но дело того, конечно, стоило.

А я идеально подходил под подобный род занятий – знание преступного мира изнутри, привычка выживать в экстремальных ситуациях, приобретенная на зоне, и пара лагерных татуировок – разоблачить меня было довольно сложно. Тем более что местом моих действий был не один город, а вся Россия.

И спустя какое-то время, в продолжение которого я работал один, мне дали напарницу – Тамару Михайловну Навражину. Как я сначала удивился – женщина, работающая в таком опасном проекте, как «под прикрытием», а потом обрадовался – красивая, молодая, да к тому же – не замужем. Вернее, вдова.

Приударил за ней сначала, подружился с ее сыном-школьником Сашкой, и дело, как казалось мне, уверенно двигалось к счастливому замужеству, но... В какой-то момент все разладилось.

Почему?

Да вот по этому самому!»

Гарик с внезапным раздражением посмотрел на батарею пустых бутылок, стоящих перед ним.

«Ну и не только поэтому, конечно, – продолжал он размышлять, – я же не алкаш какой-нибудь. Запойми не страдаю. Так, иногда... Просто... Ну, черт его знает. Не подходим мы с Тамарой друг другу. Она такая вся... А я кто? Раздолбай. Раздолбай и есть...»

– Кошмар просто какой-то! – Услышав Тамарин голос, Гарик вздрогнул. – Ни на минуту тебя, Игорь Анатольевич, оставить нельзя. Это сколько же ты пива выпил? Пол-ящика, наверное.

– Совсем не пол-ящика, – ответил Гарик, – четыре бутылки. Нормальная доза. И сушняк... э-э... Жажда утоляет и на нервную систему благотворно действует, – в доказательство того, что он совсем пришел в норму, Гарик широко улыбнулся.

– Это радует, – отреагировала Тамара, садясь напротив Гарика. – Ну что, давай позавтракаем?

Она подозвала официантку. Официантка подошла, вытаскивая на ходу засаленный блокнот из кармана передника.

– Две чашечки кофе, пожалуйста, – проговорила Тамара, – бутерброды, ну и... закуску легкую.

– Под закуску ничего не желаете? – осведомилась официантка, посмотрев на Гарика.

– Нет, – преувеличенно твердо ответил тот, – спасибо, не надо.

Официантка усмехнулась, пожала плечами, бросила быстрый взгляд на Тамару и удалилась в сторону кухни.

Тамара одну за другой поставила пустые бутылки из-под пива под стол и оглянулась. В зале вагона-ресторана никого еще не было.

– Вечером приедем в Сочи, – проговорила она, наклоняясь к Гарик. – Пойдем в камеру хранения, оттуда в гостиницу. Интересно, номер нам уже заказан?

Гарик пожал плечами.

– Мне вот что интересно, – сказал он, – почему это наш шеф – Трубников – не объяснил нам суть нашего нового задания на месте? Вручил билеты на поезд до Сочи, продиктовал номер ящика в камере хранения Сочинского железнодорожного вокзала. И все. И сказал, что в этом самом ящике инструкции к нашим дальнейшим действиям. Что это за секретность такая? Почему это Трубников перестал нам доверять? Мы ведь столько уже на органы работаем – люди мы надежные, проверенные. Особенно я...

– Особенно ты, – рассмеявшись, подтвердила Тамара. – Да никакой тут особой секретности нет. Просто делом, которое нам хотят поручить, ведает Сочинское отделение МВД, понятно? Тебе Трубников разве не говорил? А, ну да... Ты ведь на последнее заседание опоздал.

– И что это за дело такое? – вздохнул Гарик. – Хорошо бы – не очень сложное... Да ладно – несложное. Несложные дела нам не поручают. Опять придется внедряться в какую-нибудь местную преступную группировку. А так хочется на горячем песке полежать, в синем море искупаться...

– Успеешь, – заверила его Тамара. – Уж несколько дней отдыха мы сумеем урвать. Тем более – ты не забыл? – по легенде мы супруги и едем на юг отдыхать.

– И правда! – обрадовался Гарик. – Только вот Трубников на активный отдых нам ни копейки не выделил.

– Наверное, от Сочинского МВД получим, – пожав плечами, проговорила Тамара. – Это же их дело, пускай они деньги и выделяют.

Из кухни показалась официантка с подносом, уставленным тарелочками с холодными и горячими закусками.

– Вот, – сказала она, – кофе сейчас будет. С вас двести тридцать пять рублей восемнадцать копеек.

– Ничего себе, – пробормотала Тамара, расплачиваясь, – вот так завтрак.

Поезд плавно остановился. Ваза с пластиковыми цветами качнулась на столике.

– Какая это остановка? – спросил Гарик у официантки.

– Краснодар, – посмотрев в окно, сказала официантка. – Долго стоять будем. Хоть поедите спокойно, а не в тряске... Ага, – проговорила она вдруг, снова выглянув в окно, – вот и те самые приятели.

– Какие приятели? – живо обернулась Тамара.

– Да те самые, – пояснила официантка, – которые твоих собутыльников разыскивали, – она кивнула на Гарика, – вот он знает...

Глава 2

Наскоро облачившись в черную майку и просторные черные брюки, Колобок резво выкатился на перрон.

– Ну и вырядились, – проворчал вышедший вслед за ним Тарас. – Солнце жарит всюю, а ты заставил меня брюки с рубашкой надеть...

– Не спорь, – авторитетно высказался Колобок, – так надо. Шорты могут все дело испортить.

– Да какое дело-то? – Тарас злобно сплюнул в сторону. – Слушай, не нравится мне, что ты тут какие-то дела затеваешь. Нам что сказали – довести товар до Сочи – раз. В поезде не высовываться – два. Мне уже и похмеляться не хочется. Мог бы и ты потерпеть несколько часов...

– Не могу, – отрезал Колобок, – хватит тебе ломаться. Очко играет? Тем более, хавки у нас никакой не осталось, а я привык каждый день питаться.

– Вот голову тебе оторвут, тогда отвыкнешь, – буркнул Тарас. – Ладно, что ты там задумал – пошли.

– Ага... – Колобок покрутил круглой головой, осматриваясь. – Вон туда! – махнул он рукой в сторону ближайшего высотного дома.

* * *

– И чем он там занимается?.. – проворчал себе под нос Тарас и сплюнул окурок на землю. – Уже десять минут прошло. Скоро отправление поезда объявят...

Он посмотрел на Колобка и скривился.

– Идиот...

Колобок присел на корточки рядом с лавкой, густо усыпанной старушками, о чем-то увлеченно с ними разговаривал, время от времени даже размахивая руками и издавая нечленораздельные восклицания.

Наконец он оглянулся на Тараса и махнул рукой. А когда Тарас двинулся к нему, подбежал к подъезду, быстро набрал номер кода на подъездной двери и остановился на пороге, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

– Ты куда направился? – спросил Тарас, шагнув в подъезд.

Колобок нетерпеливо оглянулся на улыбавшихся ему старушек и, оттащив Тараса от двери, захлопнул ее.

– Ты что? – спросил Тарас, оказавшийся в подъездной темноте.

– Давай, давай, – пыхтя, подтолкнул Колобок его к лестнице, – пошли наверх, времени совсем мало осталось. Потом объясню. Ты только сейчас не выступай. Вообще ничего не говори. Только стой за моей спиной и... и... и на пол смотри. Да – на пол, так лучше будет.

– Идиот! – проворчал снова Тарас, устремляясь, однако, вслед за Колобком вверх по лестнице.

Они пробежали два этажа, Колобок остановился наконец у какой-то ничем не приметной двери.

– Здесь, – пробормотал он.

– Что – здесь? – раздраженно спросил Тарас, которому уже порядком надоела таинственность, которую напустил Колобок вокруг устроенного им мероприятия.

– Добрые люди здесь живут, – ухмыльнулся Колобок, – отойди в сторонку и смотри в пол. А вообще... Лучше поднимись на этаж выше и стой там, чтобы тебя видно не было.

Тарас смерил Колобка тяжелым взглядом, дернул щекой, сплюнул ему под ноги, но все же поднялся на лестничную площадку этажом выше, нарочито громко стуча подошвами ботинок по ступеням.

Утвердившись на подоконнике, Тарас закурил и тотчас услышал звонок в дверь – это Колобок позвонил. Тарас несколько раз глубоко затянулся и потушил сигарету о стену, осыпав грязные ступени снопом ярко-красных искр.

– Здравствуйте, – послышался снизу голос Колобка, изменившийся почти до неузнаваемости – будто Колобок мгновенно постарел на несколько десятков лет.

– Добрый день, – вежливо ответили ему.

– Извините, пожалуйста, за беспокойство. Видите ли, в чем дело, – выдал Колобок фразы, которые Тарас от него раньше никогда не слышал, – в соседнем подъезде умерла старушка... Моя двоюродная бабушка. Я приехал из Таганрога ее похоронить, но – такое несчастье – у меня на вокзале вытащили бумажник со всеми деньгами... Вот, осталось ходить по дому и собирать деньги. Помогите, пожалуйста, чем сможете, очень вас прошу...

– Да-да, конечно, – ответил хозяин квартиры, – такая беда... Из какой квартиры, вы говорите, ваша бабушка?

– Из сорок третьей, – быстро ответил Колобок, – Пелагея Сергеевна.

– Хм-м... Господи, жалость какая, – сокрушенно высказался хозяин квартиры. – Так она скончалась... подождите секунду.

Измученный Тарас осторожно свесился с перил и посмотрел на Колобка. Колобок стоял на пороге квартиры, свесив голову на грудь и носком ботинка ковыряя бетонные плиты, из которых был сложен пол лестничной площадки. Казалось, он стал меньше ростом.

Из дверей показался хозяин квартиры – Тарас успел увидеть, как блеснули его очки, – и что-то сунул в протянутую руку Колобка.

– Вот. Больше, извините, не могу.

– Большое спасибо, – жалобно проскулил Колобок. – Дай вам бог здоровья...

Все это было так не похоже на Колобка, обычно наглого и шумного, что Тарас тихонько охнул и чуть не свалился с перил.

Хлопнула, закрывшись, дверь.

– Ты чего там? – немедленно обернувшись к Тарасу, злобно прошипел Колобок. – Посильнее загреметь не мог?

– Мог, – облегченно выдохнул Тарас, – но не стал. Ух ты, здорово... А я, как тебя услышал, подумал, что ты немного того... спятил. А ты, оказывается, просто играл. Я и не знал, что ты такой актер.

– Будешь тут актером, – пробормотал Колобок, поднимаясь к Тарасу. – Две сотни дал. Неплохо для начала.

Тарас поглядел на часы.

– Хватит нам до вечера, – сказал он. – Пойдем, а то на поезд опоздаем.

– Не, – проговорил Колобок. – Рано. Сколько там натикало? Ага, я и говорю – рано. Еще в одну квартиру загляну, тогда пойдем.

Сунув деньги в карман, он принялся подниматься по лестнице. Тарас заспешил за ним.

– Слушай, – заговорил он. – Колобок, а как ты эти квартиры определяешь? Может, там не очкарь этот бы был, а алкаш какой-нибудь, который тебя послал бы подальше и... все? И про старушку эту ты как узнал? Про Пелагею?

– А о чем, ты думаешь, я с бабками трепался у подъезда? – усмехнулся Колобок. – С умом надо к делу подходить. Сначала подвалил – друга ищущий; ну, пару общих фраз сказал, а они и разговорились – кто у них в доме живет, кто хороший, кто плохой. И шифр у них же узнал. А эта Пелагея, как бабки мне сообщили, уже второй день на улицу не выходит – болеет.

Жалко, времени нет, а то бы побольше узнал. Часик тогда можно было бы походить, и набрали бы порядочно.

– Здорово, – хмыкнул Тарас, – с тобой не пропадешь, Колобок.

– А ты думал!

– Я б до такого не дотумкал, – продолжал восхищаться Тарас. – Как дверь взломать грамотно или там... по башке дать кому-нибудь – это я запросто. А вот с бабками трепаться и лошком прикидываться...

– Дело в том, – немного даже снисходительно сообщил Колобок, – что надо уметь общаться с людьми. Я это умею... Ну, конечно, когда трезвый... Вот эта дверь!

– А здесь кто живет?

– Директор школы, – шепотом проговорил Колобок, – бабки про него с уважением говорили. Наверное, и человек состоятельный, и это... как его... интеллигент. Ну давай – иди опять прячься.

– Ага, – с готовностью кивнул Тарас и поспешно направился к лестнице, ведущей на площадку этажом выше.

* * *

– Ну и с-сука, – прошипел Колобок, спускаясь по лестнице, – а еще директор школы. Гнида. Фраер поганый, чтоб его... Пидор!

– Сколько? – поинтересовался Тарас.

– Червонец! – почти крикнул Колобок. – Червонец он мне дал, представляешь? А зато выпрашивал – кто я такой, отчего умерла эта чертова Пелагея... Кому квартира достанется, это ему тоже нужно знать, козлу!

– Да, – согласился Тарас, – я слышал. Редкостный ублюдок. Однако пойдем быстрее, через пять минут отправляется наш поезд. Как же мы товар оставили без присмотра – а если не дай бог... А все ты со своей опохмелкой. А ведь если что – мы попадаем конкретно.

– Ни хера с товаром не будет, – проворчал Колобок. – Наши заказчики его так замаскировали, что ни одна сволочь не догадается, что к чему.

Они вышли из подъезда, Колобок вежливо раскланялся с бабульками на лавочке.

– Вышла! – закричала одна из них Колобку.

– Что? – не понял тот.

– Да Пелагея-то! – еще громче завопила она. – О которой мы беспокоились. Выздоровела и к нам на лавочку вышла. На солнышке погреться. Вон она идет.

Тарас с Колобком одновременно обернулись туда, куда показывала бабулька. Прямо навстречу им семенила сухонькая, согнутая пополам старушонка, одетая, несмотря на страшную жару, в валенки, телогрейку и ватный платок, из-под которого выглядывало ссохшееся до размеров детского кулачка коричневое личико.

– Валим отсюда, – шепнул Колобок Тарасу, и приятели, заметно ускорив шаг, направились прочь от дома и через пару минут были уже на вокзале.

– Третий путь, четвертая платформа, – проговорил Колобок, задыхаясь от быстрого шага, – я запомнил. Быстрее, три минуты осталось до отправления. Уже, наверное, объявили...

– Слушай, – проговорил вдруг Тарас, – а кто был тот первый жилец? Ну, который тебе две сотни дал?

– Этот? А хрен его знает. Старухи про него ничего... А нет, говорили, вспомнил – он писатель.

– Настоящий? – удивился Тарас.

– Хрен его знает, – повторил Колобок. – Мне на это, если честно... Оп-па, – вдруг странным голосом произнес он и остановился. – Черт возьми, кажется, нам сегодня очень-очень не повезет.

– В чем дело? – озираясь, спросил Тарас.

– Посмотри. Вон, на перрон, – и кивком указал, куда Тарасу следует посмотреть.

– Мама, – проговорил Тарас и сделал шаг назад, – вижу теперь. Елки-палки, что нам теперь делать-то? Поезд сейчас тронется, а мы тут стоим.

– А товар в купе, – хрипло напомнил Колобок. – Если мы от поезда отстанем, нам абзац. А если сейчас попытаемся в поезд сесть – тоже. Что же делать-то нам, дорогие товарищи?..

– Они к нам идут...

* * *

– Чай пить после кофе – это... как его... моветон, – высказался Гарик, отрывая губы от чайной чашки.

– Пей, пей, – усмехнулась Тамара. – У тебя в организме – недостаток жидкости.

– И сам знаю, – ответил Гарик и вдруг, вскочив со стула, подбежал к окну. – Ни хрена себе! – выговорил он. – Вот это да!

– Что там? – спросила Тамара.

– Мои вчерашние собутыльники, – сказал Гарик, – по перрону шляются. Что это они – поезд скоро тронется. Отправление уже объявили.

Тамара поставила чашку на стол, поднялась со своего места и тоже подошла к окну.

– Ага, – сказала она. – Вот тот самый Колобок, а вот и здоровяк... Как его?

– Тарас, – ответил Гарик и постучал костяшками пальцев по стеклу.

– Ты чего? – спросила Тамара.

– Ну как? – удивился Гарик. – Поздороваться же надо. Черт, не слышат меня. Как они странно озираются – как будто чем-то напуганы...

Последовавшие незамедлительно за его словами события на перроне начали развиваться столь стремительно, что Гарик ничего не успел сказать, только открыл рот.

Тамара тряхнула рыжими волосами, как будто ей в голову пришла очень важная мысль, и, схватив Гарика за рукав, оттащила его в глубь вагона-ресторана.

– Зачем? – обернулся к ней Гарик. – Я же... Я же должен им помочь – их всего двое, и пятеро каких-то быков на них налетели!

Тамара молча обняла его за талию.

Сквозь толстые стекла окон в вагон-ресторан проникали звуки ударов и крики избиваемых Колобка и Тараса.

– Мочи их! – грянул вдруг бас на перроне. – Попались, сволочи!

Гарик наконец вырвался из крепких объятий Тамары и снова бросился к окну.

Картина, представившаяся его взору, была довольно впечатляющая – повергнутого наземь Колобка волтузили ногами трое крепких бритоголовых парней, одетых в пляжные майки и шорты. Колобок орал что-то нечленораздельное, но, судя по всему, угрожающее; пытался подняться, но его тут же сбивали с ног – и он летал от одного парня к другому, как огромный футбольный мяч.

– Мочи его! – снова заорал один из тех, кто избивал Колобка. – Да вырубите вы его скорее и оттащите к тачке! Быки бестолковые, ни хера не умеют! Сейчас сюда все менты города сбегутся!

Тарас, прижатый к боку вагона, молча отбивался от двоих наскაკивавших на него бритоголовых...

– А вот и те самые парни, что твоих собутыльников искали, – раздался голос позади Гарика.

Он резко обернулся.

– Ну да, точно они, – продолжала официантка. – Только они, кажется, вовсе не друзья. А я-то сначала подумала... Такие вежливые были...

Официантка зевнула, окинула скучающим взором пустой зал вагона-ресторана и снова направилась к себе на кухню.

Гарик хлопнул себя по карманам брюк.

– Вот черт, – пробормотал он, – ствол в купе остался... А, ладно!

Он вдруг рванулся с места и бросился к выходу из вагона.

– Подожди! – Тамара кинулась за ним. – Гарик, остановись! Не смей никуда ввязываться! Ты же на зада... О, черт! Остановись!

Гарик вылетел в тамбур и с силой дернул ручку двери.

– Ка-азлы, – прошипел он, – закрыто! Ну, конечно, это же не пассажирский вагон, – и, отмахнувшись от подбежавшей к нему Тамары, скрылся в переходе, ведущем в другой вагон.

Поезд глухо скрипнул колесами и медленно тронулся с места.

Тамара вздохнула и повернулась к окну. Она понимала, что Гарика теперь не остановишь. Может быть, хоть то, что поезд уже поехал, приведет его в чувство.

«Однако каких странных собутыльников нашел себе Игорь Анатольевич, – подумала она, – рожи откровенно бандитские, да еще и дерутся с какими-то... бандитами, которые явно собираются их похитить...»

* * *

– Менты! – пролетел над перроном пронзительный вопль. – Валим!

Парни, мутузившие Колобка, вздрогнули и остановились. Еще секунду они, как бы в нерешительности, топтались вокруг сразу воинственно задравшего ноги Колобка, потом сорвались с места и скрылись в темной яме подземного перехода.

Колобок с трудом поднялся и тоскливо замычал, повернувшись в сторону уже начинавшего набирать скорость поезда.

Тарас, в отличие от своих противников не услышавший предостерегающего крика, расценил факт их капитуляции как собственную заслугу.

– Стоять! – заорал он, вздымая вверх кулак и становясь из-за этого чем-то похожим на американскую статую Свободы. – Зассали, бляди?! А ну назад, сейчас я вам головы-то порасшибаю!

– Та... рас! – Колобок, с трудом отдирая ноги от земли, как будто шел не по перрону, а по болотной топи, доковылял до размахивающего кулаками, как взбесившаяся ветряная мельница, Тараса. – Ме... Менты! Надо валить отсюда!.. О, черт! – он некрасиво сморщил окровавленное лицо, указывая пальцем за спину Тараса.

Тарас обернулся к поезду, набравшему уже довольно приличную скорость. Ментов пока нигде видно не было. Откуда-то издалека раздался свисток и пронзительный женский голос:

– Вон они, вон они!

– Говорил тебе... – Тарас зло сплюнул, и воздушный поток от летящего поезда закрутил и моментально унес плевок в неизвестном направлении.

– Куда же теперь нам? – проскулил избитый Колобок. – Товар в поезде остался, с минуты на минуту здесь мусора будут. Мы, правда, ни в чем не виноваты, но они нас, суки, обязаны задержать до выяснения, и тогда мы поезд точно упустим. Ох, снимут с нас головы...

Тарас тоскливо проводил глазами последний вагон поезда. Прыгнуть туда на ходу не было никакой возможности.

– Хоть бы кто стоп-кран дернул, – проговорил Тарас, – так ведь никого знакомых у нас в поезде нет... Все, кабздец... А все ты – похмеляться надо, похмеляться надо... Осел.

Колобок ничего на это не ответил.

Тарас обернулся.

– А вон и менты показались, – констатировал он, – во-он бегут! С дубинками. А за ними какая-то баба – дорогу указывает.

– Все, – вздохнул Колобок и неожиданно сел прямо на асфальт.

– Вставай! – заорал вдруг Тарас. – Смотри!

Колобок поднялся, посмотрев в сторону, указанную ему Тарасом, – их поезд, уже изрядно удалившийся, вдруг замедлил ход, а вскоре и вовсе остановился.

– Должно быть, кто-то стоп-кран дернул, – прошептал Тарас. – Кто?

– Какая разница! – крикнул Колобок. – Бежим скорее.

Тарас бросился вперед, за ним, спотыкаясь и постанывая на ходу, побежал Колобок. Видя перед собой один только правильный четырехугольник последнего вагона поезда, они и не заметили, как налетевший откуда-то почтовый экспресс остановился на том же перроне, отрезав приятелей от совершенно оторопевших от неожиданности милиционеров.

* * *

– Хватит меня отчитывать, – раздраженно проговорил Гарик. – Что ты, в самом деле? Что я такого уж страшного сотворил?

– Да ничего особенного, – ответила Тамара, поправляя у зеркала прическу. – Просто ты поставил под угрозу срыва всю операцию.

– Да каким это образом?! – воскликнул Гарик, глядя на ее узкую спину. – Ну, дернул я стоп-кран. А что еще мне было делать? Два человека от поезда отстали! Если бы не я, они бы поезд не догнали.

– Сдались они тебе, – пробормотала Тамара. – Ты что – забыл, как на тебя проводница орала? Грозилась милицию вызвать.

– Ну и что? – усмехнулся Гарик. – Ну и вызвала бы. Я б ментам растолковал бы, что к чему. Объяснил, кто мы такие... Они б у меня...

Тамара обернулась к нему.

– Игорь Анатольевич, ты прямо... Я не знаю... Трубников десять раз повторил, что операция секретная. Десять раз говорил нам, что выделяться мы не должны. А ты собрался с милицией конфликтовать. Ну, это ладно. В конце концов, с этим можно было разобраться – твой поступок не выходит из рамок обычного поведения среднестатистического гражданина. Но зачем ты проводницу послал... на три буквы?

– А пусть не орет на меня, – мрачно заявил Гарик. – И потом... – он вдруг ухмыльнулся, – разве этот мой поступок выходит за рамки поведения среднестатистического гражданина?

Тамара вздохнула:

– Ну, что с тобой толковать.

– Вот так всегда, – заметил Гарик. – Когда тебе нечем крыть, ты все сваливаешь на меня. Тамара присела на свою нижнюю полку, посмотрела на часы.

– Через пять часов приезжаем, – сказала она, – если не опаздываем. Кстати, если опоздаем, то по твоей вине.

Гарик хмыкнул и, подпрыгнув, легко подтянулся на свою полку.

– Надо, наверное, поспать, – задумчиво проговорила Тамара, – набраться сил и отдохнуть. А то с тобой, Игорь Анатольевич, столько приключений, что... Кстати, ты бы вышел, мне переодеться надо.

Гарик тяжело вздохнул, но промолчал и – не двинулся с места.

- Игорь Анатольевич! Гарик!
- Я отвернусь.
- Нет, ты лучше...

Гарик молча отвернулся к стене и надвинул себе простыню на голову. Тамара, краем глаза наблюдая за ним, начала снимать с себя платье. Повесив аккуратно платье на вешалку, она подняла с постели халат и повернулась к зеркалу. А услышав за своей спиной осторожный шелест простыни, улыбнулась и незаметно покачала головой.

Глава 3

– Ну что? – осведомился Колобок, проглотив кусок селедки. – Давай еще? По двести пятьдесят «Русской особой»? И потом... Смотри, какие там телки сидят! Вон, за столиком у окна. Одни пришли, без кавалеров. Тебе какая нравится? Черненькая или блондинка?

– Блондинка, – рассеянно ответил Тарас. – Тьфу ты, черт, никакая мне не нравится. А пить нам хватит уже. Две бутылки шампанского схавали и бутылку водки. Ты, Колобок, идиот. Чтоб я с тобой хоть раз дело имел...

– А что? – удивился Колобок.

– Да ничего! – рявкнул Тарас. – Сначала придумал эту дурацкую операцию с похоронами старушки Пелагеи, из-за которой мы чуть не попались этим козлам, потом у проводницы сумку с бабками скоммуниздил. Ты что – соображаешь что-нибудь? А если она хай подымет? На нас же подозрение падет. В нашем вагоне все больше семьи с детьми, а мы нарисовались уже. Ты на рожу свою посмотри. Живого места же нет.

– Да не просечет она ничего, эта проводница, – отмахнулся Колобок. – Нам уже выходить скоро, а ей еще ехать. И потом – я не всю сумку, это... скоммуниздил. Я только крупные бабки вытащил из карманчика, который на булавку закрыт был, и бумажек туда напихал. А мелкие оставил – чтоб ей было чем сдачу давать пассажирам. Так что она ничего не заметит, пока не приедет. А насчет рожу ты зря говоришь. Что я – виноват? – обиделся Колобок. – Забыл, как они меня ногами мудохали?

– Мудохали... – вздохнул Тарас. – Выходит, давно они за нами следили. Я одного из них узнал – он из бригады Факира.

Колобок медленно отставил бутылку в сторону и присвистнул.

– Ничего себе, – высказался он. – Это те самые козлы, которые нас еще на вокзале пасли, когда мы отъезжали? А я думал, что шеф о них уже позаботился и они нас доставать не будут. Они на тачке, наверное, за нами шли. Черт... – Колобка передернуло. – Мама дорогая, что было бы, если бы они нас увезли.

– Известно что, – мрачно проговорил Тарас. – За яйца бы подвесили и раскачивали. Пока мы не сказали бы, где товар... Или купе обыскали и нашли бы. Хотя вряд ли – товар так хорошо спрятан, что...

– Ну вот и не ссы! – сразу развеселился Колобок. – Они теперь от нас отстали. Да и – я думаю – их мусора поластали в Краснодаре.

– А я так не думаю, – резко оборвал его Тарас. – Пойдем-ка отсюда, а? В поезде их, скорее всего, нет, но кто знает? Во всяком случае, сидеть в вагоне-ресторане с такой рожей, как у тебя, у приличных людей не принято.

– Где это ты приличных людей видел? – заржал Колобок. – С утра были, к вечеру кончились. Тоже мне – приличный человек.

– Ну, Колобок, – покрутив головой, проговорил Тарас. – Не знал бы я тебя с самого детства, никогда бы с таким ублюдком на дело не пошел.

– Сказал тоже! – ухмыльнулся Колобок. – Сколько мы с тобой дел вместе провернули, пока я не сел. В тюрьме, кстати, и научился, того... артистическому мастерству.

Тарас закурил.

– Пойдем, – снова сказал он. – Хватит шампанское жабать.

– Шампанское – это что? – пренебрежительно высказался Колобок. – Так, шипучка, газировка...

– Да я и не говорю про шампанское!

– И я не говорю, – обрадовался Колобок. – Коньячку, что ли?

– Опять ты начинаешь!..

– Не хочешь, как хочешь, – пожал плечами Колобок, – тогда винишка возьмем и пойдем к тем девочкам подсядем? Слушай, а где тут цветы купить можно?

– Да пошел ты со своими цветами! – вконец обозлился Тарас. – И со своим вином, понял? Времени уже много, приедем скоро, а ты... Заканчивай бухать, говорю, и пойдем в купе!

– А я что? – возразил Колобок. – Я в форме. Нас ведь не гаишники в Сочи встретят. За выпивку штрафовать не будут, – хохотнул он.

Тарас мрачно посмотрел на часы.

– Ой, а сколько, ты сказал, времени? – спохватился вдруг Колобок.

Тарас ответил.

– Ничего себе! – воскликнул Колобок. – Вот так посидели! Скоро и правда приедем. Слушай, а у нас же на сегодня еще одна встреча запланирована.

– Какая такая встреча? – изумился Тарас. – С ума сошел? Перепил...

– Ну-у... – замялся Колобок. – У меня из башки тот вчерашний фраер не идет.

– Какой фраер? – не понял было сначала Тарас. – Хватит пить, говорю!

– Ну, тот самый, с кем мы вчера пили, – объяснил Колобок. – Ведь если здраво рассудить, то мы сегодня из-за него вляпались. Если б вы с ним похмельные деньги вчера не пропили, то и у нас проблем бы не было никаких. Мирно бы выпили с утра, и все...

– Ни хрена никуда на пойдем, – отрезал Тарас. – Все, решено.

– Да как это?! – вскинулся Колобок. – Ты чего? Мы же не это... Ничего такого не будет, мы только маленько его того... потрамбуем, и все.

– Никаких, – резко сказал Тарас. – Я что, тебя не знаю, что ли? Ты выпил, сейчас тебя на драку потянуло. Начнешь фраеру тому морду бить, а тут и менты подспеют... Нет, хватит. Нарисовались в этом поезде уже вот так вот, – Тарас чиркнул себе ребром ладони под кадыком, – ничего не выйдет.

– Да пошел ты! – Мясистое лицо Колобка вдруг потемнело, как будто налилось какой-то страшной тягучей жидкостью. – Чего ты вообще раскомандовался, а? Я свободный человек. Что хочу, то и буду делать, понял?

– У нас с тобой общее задание. – Тарас говорил спокойно, но отчетливо видно было, что он начал волноваться. – Вот закончим дело, тогда – гуляй, ты налево, я направо. А сейчас...

Колобок опрокинул в себя последнюю рюмку водки и, поднявшись, тяжело навис над столом.

– И сейчас тоже, – просипел он. – Что хочу, то и буду делать.

– Сядь! – приказал ему Тарас.

– Пошел ты...

– Слушай, – заговорил снова Тарас. – Ну, если хочешь, пойдем подсядем к тем двум телкам у окна... Хочешь? Только не ходи ты к этому фраеру блядскому, ладно? Послушай хоть раз моего совета.

Колобок плюхнулся обратно на стул, потянулся к своей рюмке и, обнаружив, что она пустая, надолго задумался, подперев круглую тяжелую голову нечистой рукой.

– Ну как? – осторожно спросил у него Тарас. – Пойдем к телкам? Только не шуми снова...

– К этим, что ли? – Колобок обернулся, посмотрел на девушек и скривился, как будто не он пару минут назад упрашивал Тараса подсесть к ним. – Да я с этими профурами и срать на одном километре не сяду.

Тарас хмыкнул.

– Не хмыкай, – отозвался Колобок. – Они кто?

Тарас снова усмехнулся.

– Правильно, – проговорил Колобок, – бляди. В смысле – ждут, пока придут мужики при деньгах, напоят их, накормят и спать уложат. Ведь так? А вот найти бы мне мой идеал женщины, – неожиданно сменил тему Колобок, – найти бы такую телку... То есть бабу... Ну,

короче, женщину, про которую я мог бы сказать – она моя будущая жена... Хотя на хрена я такой-то нужен... Я вот кому нужен – тем телкам у окна.

– Вполне может быть, – сказал Тарас, посмотрев на девушек, которые уже начали пересмеиваться между собой, поглядывая то на Тараса, то на Колобка.

– Ладно уж, – проворчал Колобок, исследуя дно своей рюмки, – пойдем в купе. Только возьми туда пузырек. И... и закуски.

– Не нужен пузырек, – со вздохом проговорил Тарас. – Ты сам подумай, ехать нам осталось всего ничего, проспаться ты не успеешь, а нас будут встречать. Пойми... – Тарас понизил голос до шепота: – Мы делаем серьезное дело. Это первое серьезное дело, которое нам поручили. Кускарь – саратовский авторитет – нас специально из Самары вытащил, чтобы нам это дело поручить.

– Дур-рак ты, Тарас, – мутно пробурчал Колобок. – Кускарь нас к себе вызвал, потому что ему нужны были люди, которые не успели еще засветиться на этом деле... Понял? Неместные ему нужны были. Его братва – саратовская – уже засветилась, а мы нет. Мусора их чуть было не накрыли. Ему дергаться нельзя было, а он с сочинской братвой уже договорился. Вот нас и подписал на это дело. Дошло?

– Ну-у... – протянул Тарас, – почти... Да какая разница – все равно, если мы это задание хорошо выполним, то он тогда и в другой раз нас подпишет. А за такие бабки, которые он нам обещал, я согласен работать.

– Подпишет... – пробормотал Колобок и икнул, – уже подписал. Мусора ему на хвост сели, вот он и к нам, в Самару. А найти у нас более серьезных людей у него времени не было...

Тарас некоторое время размышлял, пытаясь, вероятно, выстроить доложенные ему Колобком сведения в логическую цепочку.

Потом махнул рукой.

– Да, – сказал он, – а мусора Кускарю конкретно на хвост сели. Помнишь, сколько красножопых на вокзале было? И как нас шмонали? Сумки проверили, карманы... А только зря – товар у нас надежно спрятан. Никакая сволочь легавая не найдет...

* * *

Еще не начало темнеть, но воздух южного неба уже по-вечернему сгустился и потерял свою прозрачность.

– Вот мы и в Сочи, – удовлетворенно проговорил хорошо выспавшийся Гарик, выходя на перрон из поезда. – Где у них тут, интересно, камеры хранения?

– На вокзале, конечно, – усмехнулась Тамара. – Давай бери меня под руку, как это принято у давно женатых людей, и пошли.

– С удовольствием, – отозвался Гарик, перебросил через плечо большую спортивную сумку и взял Тамару под руку. – Пойдем, дорогая.

Железнодорожный вокзал города Сочи, как убедились Тамара и Гарик, просто кишмя кишел черноусыми представителями многочисленных кавказских национальностей, которым вокзал служил чем-то вроде пристанища. Совершенно беззастенчиво расположившись со всеми своими родственниками на свободных лавочках и креслах, а то и просто на голом полу вдоль стен, они спокойно отдыхали, не обращая ни малейшего внимания на снующих мимо них курортников.

Отдел камер хранения Гарик с Тамарой нашли довольно быстро.

– Здравствуйте! – приветствовал Гарик работника камер хранения – хмурого, задумчивого дядьку, при одном только мимолетном взгляде на которого легко можно было определить, что он безвыходно страдает от тяжелого многодневного похмелья. – Скажите, пожалуйста, где отсек номер сорок восемь?

– Какой? – пробурчал работник, потирая небритый подбородок.

– Сорок восемь. Камера восемнадцать. – Гарик одной рукой облокотился на стену, другой непринужденно обнимая Тамару.

– Прямо, потом налево, – ответил работник и, опустив глаза, снова погрузился в свои невеселые мысли.

– Спасибо, – весело поблагодарил Гарик. – А то мы с женой... – его рука легко прошлась по огненной волне Тамариных волос, – полдня искали бы... очень у вас отдел большой...

Дядька даже не поднял на него глаза. Гарик с Тамарой очень скоро обнаружили искомую камеру.

– Вот она, дорогая, – констатировал Гарик и ловко чмокнул Тамару в щеку, – набирай шифр.

– Сейчас, – проговорила Тамара, незаметно отстраняясь от Гарика. – Ты бы, Игорь Анатольевич, все-таки не забывался, – не удержавшись, добавила она, набирая шифр.

– Что значит – не забывался? – удивился Гарик. – Мы по легенде кто? Муж и жена. Так вот и не мешай мне входить в образ.

Дверца камеры, легко шелкнув, открылась, и Тамара достала из прохладного полумрака довольно объемистую картонную папку для бумаг.

– Ага, – удовлетворенно произнес Гарик. – А вот и наши инструкции. Интересно, что там сочинские ребята нам приготовили.

Он потянулся было к папке, но Тамара перехватила его руку и крепко зажала папку у себя под мышкой.

– Подожди, – сказала она. – Ты же не собираешься ее прямо здесь читать.

Гарик, который именно и собирался просмотреть все документы на месте, неопределенно хмыкнул.

– Вот в гостиницу приедем, – продолжила Тамара, – тогда и посмотрим.

Они направились к выходу из вокзала. Не успели они выйти из дверей, как к ним подбежал высокий светловолосый парень. Его широкая физиономия, усыпанная золотистыми веснушками, была украшена внушительного размера пшеничными усами.

– Такси! Такси! – запричитал он тонким женским голоском. – Такси не желаете? В любую гостиницу, очень-очень дешево.

– Дешево – это хорошо, правда? – обернулся Гарик к Тамаре.

– Сколько будет стоить до «Словакии»? – назвала Тамара специально оговоренную с Трубниковым гостиницу.

– По счетчику, – сказал парень и рассмеялся. – Да вы не бойтесь, совсем не дорого. Я же на государство работаю. Это частники – они дерут с приезжих втридорога.

– Поехали, – решил Гарик.

Парень подвел их к желтой «Волге» с шашечками на боку, галантно открыл перед Тамарой дверь, принял от Гарика сумку и аккуратно положил ее в багажник.

– Поехали, – сказал он, когда все расселись по местам.

* * *

Всю дорогу до гостиницы «Словакия» ехали молча. Парень-таксист насвистывал песенку, в которой глазеющий в окно Гарик с удивлением признал «Наша служба и опасна, и трудна». Тамара чинно сидела рядом с Гариком и разглаживала шелковые тесемочки на папке.

Наконец таксист остановил машину у огромного многоэтажного здания с невероятных размеров буквами на крыше, легко складывавшимися в слово «Словакия».

– Как заказывали, – проговорил таксист, не оборачиваясь. – Вот ваша гостиница.

– Сколько я вам должна? – Тамара достала из сумочки бумажник.

– Нисколько, – ответил парень и расхохотался так, что кончики его пушистых усов взлетели выше ноздрей. – Чего вы так на меня смотрите? Я же вам с самого начала сказал – я на государство работаю.

Тамара улыбнулась и положила бумажник обратно в сумочку.

– А-а! – догадался Гарик. – Я, между прочим, тебя еще на вокзале раскусил. И еще – ты песню насвистывал всю дорогу. Я только виду не подавал – для конспирации.

– Ваш номер – пятьсот сорок два, – сказал парень. – Инструкции вы, как я вижу, уже получили...

– Получили, – подтвердил Гарик. – Только я одного не понял – на хрена было всю эту петрушку с камерой хранения затевать? Ты бы нам сам и передал эти бумажки.

– Не положено, – качнул головой парень. – Мне к таким документам даже и прикасаться нельзя.

– По-онятно, – протянул Гарик, положив руку на папку и горделиво выпрямившись.

– Запомнили номер? – спросил парень.

– Пятьсот сорок два, – ответила Тамара.

– Тогда до свидания... Кстати, – вспомнил вдруг парень, – вас в вашем номере ждет сюрприз.

– Какой? – живо спросил Гарик.

* * *

– Ну и где же обещанный сюрприз? – спросил Гарик, входя в гостиничный номер. – Что-то я... Ни хрена себе, – вдруг оборвав себе на полуслове, тихо протянул он, уронив на пол сумку.

– Да-а, – немного удивленно проговорила Тамара. – В гостиничном номере такого уровня мне жить еще не приходилось.

Гарик пнул сумку в угол и, вертя головой по сторонам, прошел в комнату. Тамара оперлась о стену, расстегивая туфли.

– Тамара! – послышался приглушенный стенами крик Гарика. – А тут, между прочим, картины висят! Настоящие! А знаешь, сколько комнат всего? Пять комнат! Ого, какое огромное окно – во всю стену! Ничего себе – зеркальный столик!..

Неожиданно Гарик умолк. Тамара покинула прихожую, прошла через шикарно обставленную гостиную, заглянула в полутемную из-за спущенных штор спальню, где стояла огромная, как аэродром, кровать, занимающая почти все пространство комнаты, и вышла в зал.

В углу зала, на тумбочке с видеоманитофоном, стоял телевизор, экран которого заметно превосходил размерами экран домашнего телевизора Тамары; а почти на середине комнаты, рядом со столом из орехового дерева, сидел на корточках Гарик.

– Тамара! – прошептал он, поднимая к ней лицо. – Здесь все полы покрыты паркетом. Настоящий паркет, а не линолеум узорчатый, – я проверял.

Гарик поднялся на ноги, подавленный и тихий. Он еще раз оглянулся вокруг, потом вдруг тряхнул головой, разбежался и с размаху упал обтянутым джинсами задом в глубокое кресло, сразу утонув в нем.

– Вот кайф-то! – захохотал он оттуда. – И самое главное – это не мы за все платим! Как мне нравится город Сочи! И менты здесь хорошие, и... вообще. Да, нравится мне этот город, нравится.

– Игорь Анатольевич! – позвала Тамара, и Гарик, вынырнув из малинового нутра кресла, увидел, что она уже присела за стол, положив перед собой папку. Тамара и стул успела подвинуть для Гарика.

– Да, – вздохнул Гарик, – сейчас иду.

* * *

– Интересно, – задумчиво проговорила Тамара, отложив папку, – почему к этому делу не подключилась ФСБ?

– Как это не подключилась? – удивился Гарик. – Дела такого уровня...

– Но если это работа ФСБ, то что здесь делаем мы? – спросила у него Тамара.

Гарик рассмеялся.

– Ну, ты прямо как ребенок, Тамара, – сказал он. – Неужели не понимаешь? ФСБ просто контролирует некоторые наши дела, а непосредственно внедрение в преступную среду осуществляем мы... Это я как-то с Трубниковым разговорился, он мне поведал.

Тамара задумалась на минуту, потом неопределенно качнула головой и очнулась.

– Ладно, – проговорила она. – Что мы имеем?

– Саратовского вора в законе Кускарева Даниила Ивановича – Кускаря, – начал перечислять Гарик, – которому в руки неизвестно каким образом попали матрицы для изготовления фальшивых сто долларовых купюр. Соответствующего оборудования и краски для производства долларов в Саратове не нашлось, так что матрицы для Кускаря оказались бесполезными металлическими пластинами. Кускарь обращается за помощью к Серго – Кускареву Сергею Ивановичу, который, помимо того, что является родным братом Кускаря, еще и состоит лидером в одной из самых влиятельных преступных группировок в городе Сочи...

– Серго сообщает брату, что знает, как ему помочь, – заговорила Тамара, когда Гарик замолчал, – и что он – Серго – готов взять на себя производство фальшивых купюр, но ему для этого, естественно, нужны матрицы. Кускарь готов послать матрицы Серго, но вот тут... и начинается самое интересное. Кускарь замечает, что за ним и его людьми ведется пристальное наблюдение, и ложится на дно. Агенты МВД и ФСБ закрывают все выходы из Саратова, чтобы матрицы не просочились в Сочи. Серго, узнав о том, что их совместный с братом проект вот-вот обрушится и похоронит их самих, тоже исчезает из поля видимости.

– Кроме того, – вступил Гарик, – от осведомителей доходят какие-то не совсем ясные, отрывочные сведения о том, что за матрицами охотится еще один саратовский авторитет – Факир.

– Причем, – Тамара открыла папку и перелистнула несколько листков, – совершенно не исключается такая возможность, что эта охота будет продолжаться и в Сочи, – она подняла лицо от бумаг. – Но, по-моему, это маловероятно. Каким образом преступная группировка из Саратова поедет в Сочи? Это же совсем другой регион. И сферы влияния совершенно разные... Да к тому же их здесь ждет горячий прием в лице молодчиков из бригады Серго. Если Факир и его люди решатся на такое... Да нет, вряд ли решатся. Для такого дела нужно быть совершенно отмороженным...

– Н-да, – протянул Гарик. – А мы, значит, здесь на тот случай, если эти треклятые матрицы все-таки окажутся в Сочи.

– Судя по этим документам, – Тамара дотронулась наманикюрным пальцем до папки, – доля вероятности, что именно так и случится, довольно велика. Интересно только, как Кускарь сможет переправить матрицы. В аэропортах металлоискатель... В поездах... Вряд ли курьеры поедут в поезде. Тем более что за всеми людьми Кускаря ведется наблюдение. Да и вряд ли любого саратовца, когда-либо вступавшего в конфликт с законом, просто так выпустят из города – двадцать раз проверят. Но если матрицы все же окажутся здесь, в Сочи, тогда нашим заданием станет – отыскать, при помощи, конечно, местных органов, этого Серго и попытаться внедриться в его группировку. А дальше... Насчет этого инструкций еще не было. Задание, что и говорить, сложное. Серго, если судить по этим материалам, человек очень осторожный –

и к новым лицам в своей группировке в такую сложную для него пору он отнесется со всей строгостью...

– Э-эх! – выдохнул Гарик и, запрокинув руки за голову, откинулся на спинку стула. – Как бы мне хотелось, чтобы никаких матриц сюда не привозили. Сейчас бы вот поужинать плотно, поспать, а с утра на пляж закатиться... Море, песок, пиво... Девочки...

Гарик потянулся за сигаретами, но Тамара остановила его.

– Не кури здесь.

– Почему это? – удивился Гарик.

– Во-первых, мебель от твоего дыма портится, а мебель здесь дорогая...

– Ну и что? – усмехнулся Гарик. – Не нам же за все это платить.

– А во-вторых, – продолжала Тамара, – мне не нравится, когда курят в моем присутствии, тем более в помещении. Вот Трубников никогда не позволит себе курить в своем собственном кабинете, если я там нахожусь.

– А где же мне курить? – поинтересовался Гарик. – Каждый раз за дверь выбегать?

– Зачем – за дверь? Выбери себе комнату – их тут пять. Там и кури на здоровье...

Гарик пожал плечами и, кинув в рот сигарету, вышел из зала.

Вернулся он спустя минуту. Незажженная сигарета сидела у него в углу рта, а в руках у него были два одинаковых сотовых телефона.

– Что это? – спросила Тамара.

– Судя по всему, это тот самый сюрприз, который обещал нам таксист. То есть не таксист, а... – Гарик покрутил в руках телефонные аппараты, – один тебе, наверное, а другой мне.

– Ну да, точно – для связи с местными органами, – подхватила Тамара. – Как хорошо, что они позаботились. Мобильная связь очень удобна, к тому же разговоры по сотовому труднее прослушать.

Один из телефонов вдруг зазвонил. Гарик от неожиданности едва не выронил аппарат из рук.

– Я слушаю, – включив телефон, сообщил Гарик невидимому собеседнику.

– Игорь Анатольевич? – осведомилась трубка приятным, хотя и немного хрипловатым голосом.

– Это я, – ответил Гарик.

– Меня зовут Степан Аркадьевич, – услышал Гарик. – Я буду, так сказать... контролировать ваши с Тамарой Михайловной действия. Если, конечно, будет в этих действиях необходимость.

– Понятно, – откликнулся Гарик.

– Связь я буду поддерживать с вами через эти телефоны, – продолжал Степан Аркадьевич. – Постарайтесь как можно реже с ними расставаться. Лучше для вас будет – держать их всегда при себе. Свой телефон я вам пока не даю – до времени ни к чему. Вы ознакомились с материалами дела?

– Ознакомился... Ознакомились.

– Хорошо... – Степан Аркадьевич замолчал, как будто думал о том, что еще сказать.

– Степан Аркадьевич, – позвал Гарик. – А сейчас нам чем заниматься?

– Пока отдыхайте, – разрешил Степан Аркадьевич. – Пока на нашем фронте, как говорится, тишь да гладь. Если что-нибудь изменится, я вам позвоню. Питание в ресторане гостиницы для вас оплачено – персонал в курсе. Да! Если вам нужны деньги, дайте мне знать.

Гарик крепко стиснул зубы.

– Н-нет, – ответил он, – пока не надо.

Степан Аркадьевич еще несколько секунд помолчал.

– У вас никаких ко мне вопросов нет? – заговорил он снова, а когда Гарик ответил ему, что вопросов нет, тот спросил снова: – А у вашей напарницы?

- Нет, – сказала Тамара, внимательно прислушивавшаяся к разговору.
- Нет, – повторил Гарик.
- В таком случае – до связи.
- До связи, – повторил Гарик в уже мертвую трубку. – Неплохое начало, – сказал он, уже обращаясь к Тамаре.
- В каком смысле? – спросила она.
- В том смысле, что какое-то время нам придется ничего не делать, – радостно сообщил Гарик, – и еще нас кормить будут бесплатно. В ресторане!
- Это я слышала.
- Интересно, – озабоченно забормотал Гарик, озираясь, – а где здесь такой колокольчик? Чтобы прислугу вызывать. Я в кино такой видел... Пускай нас отведут в ресторан на ужин...

* * *

– Ну и официанточки здесь, – шепнул Гарик на ухо Тамаре. – Посмотри – наверное, специально, чтобы создать у курортников настроение... отдыха. Юбочки короткие по самое некуда. И все такие голо... систые. В смысле – кофточки у них уж больно того... декольтированные. Особенно вон у той, которая к нам идет.

– Веди себя, Игорь Анатольевич, прилично, – посоветовала Тамара, откладывая в сторону меню. – Ты чего в меню не смотришь?

– Да-а... Ну... Сама закажи мне что-нибудь, пожалуйста, – невнятно пробормотал Гарик, вертя головой по сторонам.

Официантка, которая подошла к их столику, заметно отличалась от своей коллеги из вагона-ресторана поезда. Довольно откровенный наряд, состоящий из очень короткой юбки и почти прозрачной невесомой кофточки, подчеркивал превосходную фигуру, которой позавидовала бы любая фотомодель. А тугая длинная коса, достигающая почти до пояса девушки – украшение разве что школьных скромниц, – странно дополняла общий ансамбль, создавая образ необычный и довольно-таки соблазнительный.

– Что-нибудь выбрали уже? – осведомилась официантка, подходя к столику.

Она немного удивленно посмотрела на Гарика, который, почти не скрывая своего интереса, разглядывал ее, и кинула быстрый взгляд в сторону Тамары.

Тамара снова пролистала меню и сделала заказ. Незамедлительно после этого меню овладел Гарик и безошибочно открыл его на странице «Алкогольные напитки».

– Осторожно, – проявила бдительность Тамара, – не увлекайся, пожалуйста.

– Как? – удивилась официантка. – Вы не закажете вина к ужину? Блюда, выбранные вами, преимущественно мясные, так что я бы порекомендовала вам что-нибудь из красных вин.

Гарик бросил на официантку благодарный взгляд, она чуть улыбнулась ему в ответ.

– Ну, если только одну бутылочку, – разрешила Тамара, – тогда...

– Ка-льва-дос, – прочитал Гарик, – принесите бутылочку.

– Это не красное вино, – немного озадаченно проговорила официантка, – это вообще не вино.

– Ну хорошо, – вздохнул Гарик, – тогда принесите что-нибудь на ваше усмотрение...

– Ну, ты и жук, Игорь Анатольевич, – рассмеялась Тамара, когда официантка, приняв заказ, ушла.

– А в чем дело? – захолопал ресницами Гарик.

– Что я, не видела, что ли, как ты с этой фифой перемигивался?.. – объяснила Тамара. – Мне, конечно, все равно, но ты смотри. По легенде мы с тобой муж и жена, так что, пожалуйста, потрудись – когда мы находимся на людях – соответствовать.

– А когда мы наедине? – живо поинтересовался Гарик.

Тамара посмотрела на темнеющее за окном небо.

– В городе Сочи темные ночи, – перехватив ее взгляд, констатировал Гарик. – Что за жизнь у меня: на вокзале в щеку поцеловал – плохо. Сейчас на официантку не так посмотрел – тоже не слава богу...

– Холодные закуски несут, – сообщила Тамара.

– А вино?

Подошла та же официантка и ловко расставила на столе тарелочки с закусками.

– От себя я осмелилась предложить вот это блюдо, – сказала она, улыбнувшись Гарику. – Просто к общему ансамблю очень подходит.

– Очень мило, – холодно ответила Тамара, и Гарик, приготовившийся уже что-то сказать, закрыл рот, – большое спасибо.

– Пожалуйста... – кажется, разочарованно ответила официантка и удалилась.

Тамара проводила ее долгим взглядом. Потом внимательно посмотрела на Гарика.

– Надо же... – проговорила она. – А я-то вот, дура, думала, что любви с первого взгляда уже давно не существует...

Глава 4

– А с этим что? – высокий кавказец в пляжной панамке на обритой наголо голове небрежно ткнул пальцем в развалившегося на лавочке Колобка.

– Болеет он, – объяснил Тарас, – продуло его в поезде.

– Продуло? – усмехнулся кавказец. – А водкой от него почему разит?

– Лечился, – развел руками Тарас, – и того... переусердствовал...

Вокруг них кишела обычная вокзальная суета – очумелые, ничего не понимающие курортники тыкались в каждый останавливающийся автобус и, поймав водителя за рукав, наперебой начинали объяснять ему, куда им нужно добраться. Между курортниками сновали пронырливые таксисты и, перекрикивая друг друга, предлагали свои услуги.

Колобок вдруг хрюкнул, поднял голову, обвел вокруг себя бессмысленным взглядом невидимый круг и, снова уронив голову, начал медленно сползать с лавочки на землю.

Бритоголовый кавказец усмехнулся и быстро обернулся, когда от стоящего неподалеку большого черного джипа его окликнули:

– Рафик!

– Давай, – заторопил кавказец, – поднимай своего друга и поехали.

Тарас закинул сумку на плечо, подхватил Колобка и поволок его вслед за кавказцем Рафиком. Рафик уселся на заднее сиденье джипа.

– Сюда прыгай, – сказал он Тарасу, – с другом со своим.

Тарас втащил Колобка в джип и усадил его рядом с собой. Колобок снова поднял голову, мутно посмотрел в лицо кавказцу и спросил:

– А т-ты кто? Г-гоги?

– Товар при вас? – не удостоив Колобка ответом, спросил Рафик у Тараса.

– При нас, – ответил тот, – то есть... Мы его на вокзале оставили. В камере хранения. Как бабки получим, так вам номер ячейки скажем.

– Мож-жет, ты Г-гиви? – не успокаивался бедовый Колобок.

– Из Саратова нам сообщили, что товар будет при вас, – медленно проговорил Рафик, внимательно всматриваясь в лицо Тараса.

Тарас пожал плечами.

Тогда взгляд Рафика упал на его сумку. Молниеносно, Тарас не успел среагировать, Рафик выхватил у него из рук сумку и швырнул ее сидящему рядом с водителем парню.

– Проверь!

Парень вжикнул молнией замка и, склонившись, принялся рыться в содержимом сумки.

– Что там? – непрестанно вытягивая шею, чтобы заглянуть через плечи парня, спросил Рафик. – Нашел... что-нибудь?

– Шмотки, – глухо отозвался парень, – вонючие. Мыло. Одеколон... Одна сосиска, кусок хлеба. Нож. Еще один нож, дубинка складная десантная. Ствол пневматический, две банки какие-то...

– Это варенье, – хрипло сказал Тарас. – Малиновое. В дорогу брали и... так и не открыли.

Рафик странно посмотрел на него и бросил сидящему за рулем парню:

– Поехали. Серго разберется.

Джип тяжело тронулся с места.

Рафик достал из кармана две черных повязки.

– Давай-ка я вам глаза завяжу, – предложил он. – Совсем вам не нужно знать дорогу туда, куда мы едем.

Тарас покорно подставил голову. Рафик накрепко завязал ему глаза и посмотрел на развалившегося на сиденье Колобка. Колобок бессмысленно улыбался и что-то бормотал себе под нос, периодически вскидывая мутные и пустые, ничего не выражающие глаза к потолку.

– Хрен с ним, – брезгливо поморщился кавказец, – все равно он ничего не сообщает, – и спрятал вторую повязку в карман.

Как бы в подтверждение слов Рафика, Колобок громко икнул и вдруг с оглушительным гортанным звуком изверг из своего рта отвратительную тугую буро-зеленую струю.

– Вот блядь! – вскрикнул Рафик. – Эй! – заорал он водителю. – Тормозни! Половичок выброшу...

* * *

Человек, сидящий в полутемной комнате, услышав шаги в коридоре, положил телефонную трубку так резко, что в густом воздухе еще несколько секунд звучали слова его невидимого абонента:

– До скорого, братик. А курьеры мне не нужны – не подо мной ходят. Наемники. Можешь делать с ними все, что захочешь...

В дверь осторожно постучали.

– Кто? – спросил человек и провел рукой по своей гладкой, начинающей уже сесть бороде.

– Можно, Сергей Иванович? – спросили из-за двери.

– Приехали уже?.. Можно.

Дверь открылась, и в комнату вошел Рафик. Его бритая голова тускло светилась в полумраке. Следом за ним в комнату втолкнули Тараса, через плечо которого висела спортивная сумка.

– Здравствуй, – мягко произнес Сергей Иванович. – С приездом.

– Здравствуйте, – осторожно поздоровался Тарас. – А вы?..

– Да, – ответили ему, – я – Серго. Старший брат твоего Кускаря.

– Меня Тарасом зовут...

– Я знаю, – проговорил Сергей Иванович. – Привез товар?

Тарас кивнул.

– Привез, – сказал он. – Только хотелось бы... Ну, мне Кускарь говорил...

– Бабки? – догадался Сергей Иванович. – Так покажи нам товар. Чтобы я знал, за что платить.

Тарас неуверенно оглянулся на Рафика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.